

© 2025 Т. А. Воронина
Москва, Россия

ТРАПЕЗЫ ВОЛОГОДСКИХ КРЕСТЬЯН, ПРИУРОЧЕННЫЕ К СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ

Аннотация. Семейная обрядность вологодских крестьян в рамках жизненного цикла была яркой и насыщенной. Праздничные трапезы, связанные с памятными датами церковного календаря, в течение года сменялись застольями, приуроченными к наиболее значимым торжественным событиям в жизни семьи (свадьба, крестины, новоселье). Среди семейных торжеств особенно богатым столом отличалась свадьба, к которой готовили множество блюд, приобретавших в отдельных случаях символическое значение. Традиционная русская свадьба представляла собой цельный комплекс, отличавшийся многообразной обрядностью, и включала несколько этапов, каждый из которых сопровождался соответствующей традиции трапезой.

Ключевые слова: русские крестьяне, пища, праздники, трапеза, Вологодская губерния, свадебное застолье, сватовство, православные традиции.

Ссылка при цитировании: Воронина Т. А. Трапезы вологодских крестьян, приуроченные к свадебной обрядности // Традиции и современность. 2025. № 43. С. 66–86

Воронина Татьяна Андреевна (Voronina Tatiana Andreevna) – доктор исторических наук.

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2025. № 43. С. 66–86

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoslavie.ru>

УДК – 281.161; 256; ББК – 83.3(Рус)1; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2025-43/66-86>

Семейная обрядность вологодских крестьян в рамках жизненного цикла была яркой и насыщенной. Неслучайно многие художники черпали вдохновение из этих событий, будь то венчание или поминки, и создавали свои многочисленные произведения на бытовые сюжеты. Праздничные трапезы, связанные с памятными датами церковного календаря, в течение года сменялись застольями, приуроченными к наиболее значимым торжественным событиям в жизни семьи (свадьба, крестины, новоселье), которые объединял радостный настрой.

Среди семейных торжеств особенно богатым столом отличалась свадьба, к которой готовили множество блюд, приобретавших в отдельных случаях символическое значение. Традиционная русская свадьба представляла собой цельный комплекс, отличавшийся многообразной обрядностью, и включала несколько этапов, которые нередко менялись в зависимости от губернии, уезда и волости (Громыко 1991: 372).

В традиционном крестьянском сообществе признавался только церковный брак, то есть момент вступления в брак совпадал с венчанием, и лишь с этого времени начиналась освященная обычным правом совместная жизнь новобрачных (Зеленин 1991: 340). Связь свадьбы с церковным календарем придавала ей те особенности, которые позволяли отличать ее от свадебных церемоний других народов. Т. А. Листова справедливо отмечала, что «авторы научных исследований зачастую не учитывают тот факт, что русский свадебный ритуал, известный нам по описаниям второй половины XIX – начала XX в., – это акт общественно-религиозного санкционирования брака, сложившийся и функционировавший в среде православного крестьянства. Вследствие чего в народном ритуале нет, пожалуй, эпизода, в котором в том или ином виде не проявилось бы христианское мировоззрение его создателей и исполнителей» (Листова 1993: 93–94).

Свадьба по своей конструкции сохраняла общие черты, характерные для всех губерний, но вместе с тем имела локальные особенности, особенно в пределе нескольких сел или деревень (в основном по приходам), входивших в одну волость. Время заключения браков приходилось на разное время года. «На общее распределение браков, с одной стороны, оказывала влияние глубокая бытовая традиция, связанная с особенностями хозяйственной, трудовой жизни русского народа, с другой – церковные установления, посты» (Жирнова 1980: 26–27). По церковному уставу, венчание не совершалось накануне среды и пятницы (во вторник и четверг) в течение всего года, поскольку предстоящая ночь – постная; накануне воскресных дней (в субботу), двунадесятых, храмовых и великих праздников;

в продолжение Великого, Петрова, Успенского и Рождественского многодневных постов; в продолжение святок (с 25 декабря по 7 января по ст. ст.); в течение Сырной седмицы (масленицы) начиная с субботы мясопустной недели и в неделю сыропустную; в течение Пасхальной (Светлой) седмицы; в дни однодневных постов (и накануне их): дня Усекновения главы св. Иоанна Предтечи (29 августа/11 сентября) и Воздвижения Креста Господня (14/27 сентября). По народным понятиям, играть свадьбу в эти дни считалось греховным. Священники не венчали накануне высокоторжественных дней (дни коронации, восшествия на престол, тезоименитства императора и членов царской семьи и др.). В эти дни также не сватались.

Самым благоприятным временем для свадьбы считались осенние и зимние мясоеды. Осенний мясоед начинался с Успения (15/28 августа) и продолжался до начала Рождественского (Филиппова) поста (14/27 ноября), то есть длился в течение 13 недель. Первые недели мясоеда назывались «свадебными», так как в это время, по обычаю, совершали сватовство. Часто свадьбу начинали играть со дня Покрова Пресвятой Богородицы (1/14 октября), когда были завершены все основные сельскохозяйственные работы, собран и определен размер урожая зерновых, овощей, фруктов, сделаны запасы ягод и грибов, что играло важную роль для приготовления праздничных блюд. На тринадцатой неделе начинали готовиться к посту, поэтому свадеб уже не спрятывали.

Зимний мясоед начинался с Рождества Христова (25 декабря/7 января) после окончания Рождественского (Филипповского) поста и продолжался до масленицы. В этот период и старались играть свадьбы, поэтому еще в Древней Руси его нередко называли «свадебником», «свадебнecем» (Забелин 1869: 276), а в летописных источниках февраль называли «свадьбами» (Сумцов 1996: 56).

На масленицу свадьбу не играли. В народе велили, что в это время появлялось много «лихих людей» (колдунов), которые могли сглазить жениха и невесту и расстроить свадьбу. Существовала даже поговорка: «На масляну жениться – с бедой породниться» (Жирнова 1980: 27). Считалось, что такой брак будет несчастливым, к тому же на Сырной неделе нельзя было есть мясные блюда, а после масленицы начинался строгий многодневный Великий пост, предварявший Пасху.

Летом число браков заметно уменьшалось; хотя в это время начинался первый летний мясоед, но крестьяне были очень заняты на полевых работах. Случалось, что свадьбу играли и во время полевых работ, но это было продиктовано экономическими соображениями, когда в семье не хватало рабочих

рук. Поэтому свадьбы начинали справлять обычно в период межговенья – с Красной горки (первое воскресенье после Пасхи) и до дня Святой Троицы, после которой начинался Петров пост. С Петрова дня (29 июня/12 июля) и до Первого Спаса (1/14 августа) шел второй летний мясоед, во время которого опять могли справлять свадьбы. Затем наступал двухнедельный Успенский пост (1/15 августа/14/28 августа), за которым следовал осенний мясоед, вновь открывавший свадебный сезон. Таким образом, наибольшее число браков совершалось осенью – в сентябре–ноябре и зимой – в январе–феврале.

Можно согласиться с тем, что свадьба была единственным из семейных обрядов, приуроченным к земледельческому календарю (Чистов 1987: 396). Действительно, свадьбу играли в первые дни после окончания многодневных постов, большей частью осенью, когда заканчивались полевые работы, в доме имелось достаточно хлеба и продуктов нового урожая, были сделаны запасы овощей и фруктов.

Невест сватали в течение года; например, сватовство начиналось в августе, а венчание проходило осенью на Покров Пресвятой Богородицы (1/14 октября). Отсюда пошла поговорка: «Придет Покров, девке голову покроет» (Угрюмов 1992: 125; Народные песни Вологодской области 1981: 120).

Некоторым было важно устроить свадьбу в какой-либо праздник церковного календаря, поэтому нередко даже венчались в престольный праздник.

Очевидно, что время венчания влияло на дату рождения ребенка: «Сельские свадьбы тесно увязывались с циклами хозяйственной деятельности, религиозной обрядностью и традициями. Больше всего браки заключались осенью, после окончания работ, и зимой, до Великого поста. В период с октября по февраль игралось более 80% крестьянских свадеб. Исключение здесь составлял декабрь – время поста. Следующий свадебный период традиционно приходился на «Красную горку» – после Пасхи, т. е. апрель – начало мая. В период страды свадьбы были редкостью. В связи с таким годовым распределением заключения браков, а также со всем традиционным и хозяйственным укладом сельской жизни находится и динамика рождений на селе. Наибольшее число их приходится на январь, июнь, июль, август, т. е. последний период беременности крестьянок приходился на период наиболее напряженных полевых работ, когда каждая пара рук была на счету и женщина до последнего дня была занята тяжелой физической работой» (Привалова 2000: 107).

Исследователи выделяют следующие основные этапы свадьбы: сватовство – богомолье (пропой, запой) – предсвадебная неделя – девичник – день венчания – послевенчальный день (или два дня),

хотя их было больше и названия повсеместно варьировали. Так, в Рязанской губ. встречи жениха и невесты и их родственников предполагали «смотр места», то есть дома и хозяйства жениха, которое завершалось сговором или рукобитьем в доме невесты в присутствии ограниченного круга родственников (Самоделова 1993: 23). Застолья с обильным угощением предполагались начиная со сватовства и до «отпирок» после дня венчания.

На всех этапах обязательно присутствовали свахи – со стороны жениха и невесты; тысяцкий – главный распорядитель свадебного поезда и обрядов; двое бояр – шаферы, старший (женихов) и младший (невестин); дружко – второй свадебный чин со стороны жениха, общий увеселитель и затейник; полудружко – младший помощник дружки; посаженые отец и мать – ряженые или прибеседные, заступающие место родителей в свадебном поезде; повозник – правивший лошадьми в голове свадебного поезда. Особую роль отводили свахе – «посватухе», ее хорошо угощали, ставили самовар. Все вместе они составляли круг «свадебных чинов».

Традиционная русская свадьба включала трапезы в период подготовки к свадебной церемонии, на свадебном пиру после венчания и послесвадебные трапезы. Число встреч за одним столом и число блюд могли варьировать в зависимости от зажиточности семей, но в любом случае приходилось тратить на это значительные средства, и бедный крестьянин нередко залезал в долги. Например, в Кадниковском у. на свадебное торжество уходило от 15 до 50 руб. (Иваницкий 1890: 73). В Вологодском у. свадебные издержки со стороны жениха и невесты достигали от 50 до 100 руб.

А. В. Гура писал, что северорусский свадебный обряд включал пять основных церемоний, входивших в добрачный, брачный и послебрачный этапы: 1. Предбрачный сговор сторон (сватовство, осмотр невесты, осмотр имущества); 2. Подготовка к браку; 3. Последние действия, связанные с добрачной жизнью (прощание невесты с девичеством в кругу подруг и последнее предбрачное угощение у жениха); 4. Брак, или собственно свадьба (приезд за невестой, венчание, главное свадебное торжество в доме жениха по случаю совершения брака, брачная ночь); 5. Обряды по случаю совершения брака (главное свадебное торжество в доме жениха, угощение матерью невесты, совместное мытье жениха с невестой) (Гура 1978: 83, 84, 88).

Совместное застолье на всех этапах традиционной свадьбы сохраняло элементы архаики, включавшие поднесение даров на всех этапах свадьбы. Некоторые параллели между богатыми подарками, сделанными на свадьбе, и теми дарами, что подносились еще в первобытном обществе, провел

Ю. И. Семенов, подчеркнув, что это были эквивалентные дары как со стороны жениха, так и со стороны невесты, которые были в значительной степени регламентированы. Именно брачные «даропредставления» первобытного времени легли в основу тех явлений, которые в последующие столетия получили название «сговора», «свадьбы» и т. п., когда обмен материальными ценностями стал обязательным. Ю. И. Семенов усматривал в элементах дарения подарков на русской свадьбе древние корни обычая обязательного обмена материальными ценностями: «Во время свадьбы происходил обмен богатыми дарами между сторонами жениха и невесты, который был в значительной степени регламентирован»; подобные «дароплатежи» были характерны и при рождении детей, и на поминках (Семенов 1996: 78–83).

На добрачном этапе главным было сватовство, которое начиналось с того, что родители будущего жениха с его согласия приглашали в свой дом известную в селении сваху или бойкую родственницу и посыпали ее к родителям невесты. Сватовство нередко начиналось в понедельник, по известной поговорке: «С легкого денька понедельника!» (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 161. Л. 67). Когда к родителям невесты приходил сват (или сваха), то обычно ставили самовар, причем чай должна была разливать невеста. Это давало возможность свату получше разглядеть девушку. В Верховье на Кокшеньге свата угождали саломатом и вином: «Побаят да поговорят, а невеста цяем угожает» (Балашов и др. 1985: 29; Народные песни Вологодской области 1981: 120). В Пермасской вол. Никольского у. на сватанье пили чай, а через 1–2 дня назначались «смотры», и невеста вновь угождала гостей чаем – «чаушничала» (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 314. Л. 1). Таким образом, встреча жениха с невестой на сватовстве давала возможность получше ее рассмотреть, а также узнать об ее умении справляться с домашним хозяйством.

После знакомства с будущей родней поименно определялись свадебные чины, которые играли важную роль в свадебных церемониях и несли личную ответственность за жениха и невесту.

В Двинницкой вол. Кадниковского у. во времена осмотра приданого невесты («смотрец») тысяцкий читал «Отче наш». Крестьяне считали, что через молитву всем от Бога оказывалась помощь, особенно в таком ответственном деле, как свадьба. На осмотре приданого и при последующих встречах жениха с окружением невесты обязательно присутствовали хлеб и другая выпечка. При сговоре о приданом отец невесты обносил трижды невесту и жениха «по солнышку» хлебом или пирогом. В другом случае подружки девушки-невесты предлагали жениху отгадать загадку: «Уж мы загадаем тебе, до-

брый молодец, Иван свет Васильевич, загадочку, загадочку немудреную: что краше красного солнышка, что светлее светлого месяца?» Вместо ответа жених брал со стола каравай хлеба, целовал его и клал на голову (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 239. Л. 10, 19).

На всех встречах родни жениха и невесты неизменно присутствовали алкогольные напитки, даже несмотря на то, что в конце XIX – начале XX в. чай считался престижным напитком. Обычно гостям подавали «вино», этим словом в народной среде прежде обозначали водку, она считалась еще более престижным напитком, чем чай. Но главным праздничным напитком оставалось домашнее пиво.

Стаканом вина обносили всех гостей уже на сватовстве, из него отпивали по глотку все родственники с невестиной стороны, после начинали обносить всех дарами. Невеста при этом кланялась каждому, кому подавали вино. Затем сваха – «посватуха» вставала из-за стола со словами: «Замок заржавев», после чего жених просил тысяцкого налить стакан вина, которое он привез с собой, оно находилось у ног тысяцкого под лавкой. Угощение водкой сопровождалось угощением гостей особыми блюдами.

Многие свадебные блюда имели местные наименования, но зачастую готовились одинаково.

В Вологодском у. после поднесения даров подавали студень, щи, жаркое, «коровашки», плечо баранье, сдобренное маслом и начиненное пшеном и яйцами, жареную телятину. Хорошим угощением считалось *уиное*, приготовленное из рубленых вареных яиц, смешанных с молоком и пшеничной мукой. Затем шла целая серия разных пирогов (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 304. Л. 1–3 об; Д. 139. Л. 3).

В Никольском у. после раздачи даров сначала ели щи с сухарями, студень и *честь* – большой кусок говядины весом 15 фунтов. Перед каждым кушаньем выпивали вино, потом начинали пить пиво, привезенное женихом. При этом он держал в руках стеклянный графин с вином, а невеста – поднос, на котором стояли три стакана разной величины, рядом с ними стояли два дружка: один из них держал свечу, а другой – пряники на подносе. К ним по очереди подходили родственники невесты, начиная с отца, и целовались со всеми четырьмя, а жених подносил каждому стакан вина. Каждому, кто шел на такой «перепой», припевали:

Припивает меня батюшко
На винной чарочке,
На пивной чашечке,
Будто век не пиваючи
Да вина не жираючи,
Себе зятя наживаючи,
Зятя белова, лебедя белова,
Яснова сокола.

Когда перепой заканчивался, жених и невеста снова садились за стол. Все начинали есть *честь*, потом ели пироги с мясом, грибами, репой, пшенной кашей, сладкий пирог и пили молоко. После трапезы начинались танцы, потом пили чай, а после чаепития начинали собираться домой. Невеста же заранее прятала сладкий пирог, завернутый в шаль и в шапку жениха, а он должен был выкупить шапку за деньги (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 304. Л. 4-5).

После «смотров» начинались основные приготовления к свадьбе, обе стороны начинали варить пиво. Когда у жениха пиво было готово, он ехал с бочонком к невесте.

Пиво пили и на «просватки», или «пропиванье невесты». До венчания невеста приглашала к себе своих подружек, которые не раз ее навещали. Такие «двои», «трои» или даже «четверы зывашки» проходили в промежуток от «смотров» до «вечерин», или «дивишиника» – дня накануне венчания. На «дивишиника» снова «кушали чай» и обедали. На «вечеринах» обычным угощением было ведро свежеприготовленного пива, студень, щи, яичница, жареный в масле картофель, пшенная каша. Сестра невесты или кто-нибудь из ее подруг приносили пиво и угощали им девушек в кути. Невеста угощала девушек пивом со словами: «Ешьте, пейте, недовго осталось и покормить-то вас, только еще и досадить-то». Вечером приходили в гости соседи с женами и детьми. Каждый приносил *коровай* хлеба и *стегню* (кусок говядины или *рыбник* со свежей рыбой). Женщины приносили «веко» (крышку от лукошка) с пшеничными «крупнисчатыми» и непременно сладкими пирогами с изюмом, а женщины победнее – с «черницей». Когда гости собирались за столом, девушки и «вытница» начинали причитать:

Приходите, пожалуйте,
Гости полюбовные,
Сусиды приближенные
И сусиды с соседками,
С малыми недорослями
Ко родимому батюшку
На пиры почетные,
Ко родимой матушке
На столы снаряженные...

Досвадебное застолье получалось довольно многочисленным, причем оно обставлялось различными церемониями и обрядовыми действиями. Например, как только один из гостей входил в избу, он молился на иконы и здоровался, а отец невесты, как хозяин дома, подавал ему «прихожую», то есть стакан пива, и усаживал за стол по степени важности. Более важных гостей сажали в «сутки» под иконы. Два стола ставили вдоль половицы и

два-три стола – поперек половицы. За накрытыми белой скатертью столами, поставленными вдоль половицы, сидели мужчины, а за столами, расположеннымими поперек половицы, – женщины. По краям каждого стола лежали груды пирогов, а посередине стояло *веко с пирогами*.

Еда для угощения гостей называлась одним словом – *артиль*; она включала мясные щи, студень, говядину с квасом, жареный в масле картофель, пшенную кашу, яичницу. В постные дни на стол подавали соленые грузди, квашеную капусту, *обабки* (вареные грибы) и *обабки «в квасу»*, бруснику. Гостей угощал сам хозяин и кто-нибудь из гостей или одна из женщин по приглашению хозяина. Мужчин угощали пивом из общей деревянной чашки, окрашенной в красный цвет, а женщин – из стаканов.

Накануне свадьбы невеста шла в баню к родственникам или к соседям. Она влезала на полати, куда ей подавали пироги и пиво (или сусло), а ее подруги угощались за столом. Когда невеста возвращалась домой, отец встречал ее с чашкой пива, а мать – с «веком» пирогов, гороховым хворостом, гороховыми или пшеничными шаньгами (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 314. Л. 1-2 об; 8-10).

В Кадниковском у. застолье перед венчанием называлось «пропиванье невесты», после него устраивалась «образовка»: жених со своим отцом и двумя-тремя близкими родственниками ехал к невесте. Обычно он привозил сусло, пряники и другие подарки. Отец и крестная невесты благословляли невесту и жениха «образом» (иконой), после чего начиналось угощение (*Иванецкий* 1890: 75).

В Жерновской и Авнегской волостях Грязевского у. после сватанья на третий день утром, после «покладки» и «образовки», жених также приезжал к невесте с гостинцами. Вечером того же дня жених со сватом и родственниками (около 7 человек) вновь приезжали в дом к невесте с гостинцами, посыпая заранее свою сестру или крестную мать со своим пирогом, положенным на блюдо. Она становилась в задний угол избы и вручала невесте пирог со словами: «Не плачь, матушка, поешь нашего хлеба-соли!» Невеста, приняв пирог, клала на блюдо полотенце – в знак уплаты или «отдарка» за пирог. Сестра усаживала гостей за стол, а невеста сидела отдельно и причитала. Жених находился недалеко от невесты с блюдом в руках, на котором лежали подарки невесте: пряники, конфеты, орехи. Кланяясь невесте в пояс, он говорил: «Ноги с подходом, руки с подносом, голова с поклоном, язык с приговором, сердце с покорностию». В Кадниковском у. «столование» начиналось, когда жених приходил в дом невесты (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 216. Л. 6-8; Д. 229. Л. 1). В том же уезде «рукобитье» называлось «приезд к невесте по платы», при этом гостей угощали пивом

и пирогами (АРГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 15. Л. 83 об.).

В д. Маркуша Тотемского у. на Кокшеньге приход к невесте жениха со сватом назывался «запоруки», или «пропивать невесту»; он считался началом свадьбы. Жених приезжал непременно с пивом, вином и угощал всю родню невесты и ее подружек, а ему подавали чай, вино и саломат. В Спасской вол. Тотемского у. «запоруки» назывались «рукобитьем», или «запоручиванием». Жениха и свата угощали стаканчиком водки, отчего этот этап получил также название «пропивать невесту» (Едемский 1911: 15). На Кокшеньге в день запорук обе стороны начинали варить пиво, которое было основным свадебным напитком. В некоторых случаях при варке пива на просватках, смотрах, к девичнику и в венчальный день пели песню: «Ой, дак уж благослови-ко, Ты, Христос истинный!» Водки на свадьбе пили мало: бутылки две – не больше; ею угощали из маленьких «рюмоцек», а иногда не покупали вовсе (Балашов и др. 1985: 44–45, 372; Угрюмов 1982: 127; Народные песни Вологодской области 1981: 73, 77).

В каждом уезде названия досвадебных встреч отличались, а само застолье проходило по-разному. Так, в Кадниковском у., когда жених приезжал к родителям невесты на рукобитье, его угощали чаем. После того, как все выпивали по чашке чая, жених обращался к невесте со словами: «Графена Александровна, пожалуйте с нами чаю кушать!» После чая гостей кормили «ужной». Когда пиво у жениха было готово, он с товарищами приезжал к невесте с суслом в виде лакомства и с другими гостинцами, поэтому этот день назывался «день сусла» или «сидины». Войдя в избу, жених подносил сидевшей в кути невесте пряники на тарелке, а один из его товарищей – сусло и пирог с рыбой (рыбник). За гостинцы жениха и его «свиту» угощали чаем (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 267. Л. 5–6, 10).

В Кадниковском у. после «смотрина места» у невесты и чаепития мать невесты и мать жениха делали «рукобитье»: они били небольшие белые пироги – *пряженники* друг о друга, а со стороны в это время кричали: «С попятного бочка сороковка вина!» В других уездах рукобитье называлось «запоруки». После рукобитья, пропивания невесты и «образовки» начиналось «плаканье», или девичник (Иванецкий 1890: 79). На смотринах «женихова места» воду для обмывания рук гостям всегда подавал в маленьком железном ковше сам жених, а его сестра держала полотенце (АРГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 15. Л. 83 об.). Сказывалось желание понравиться и угодить невестиной родне. При положительной оценке хозяйства жениха и невесты будущие родственники садились за стол, пили чай и водку (Гура 1994: 42).

В Кадниковском у., как сообщал Е. Кичин, на «плаканье» (на девичнике) невеста причитала:

«Благослови-ко, Христос истинный! Мать Божия Богородица!» В переднем углу стол накрывали белой скатертью и клади хлеб-соль, ставили блюдо с пирогами и яндову с пивом перед иконой, зажигали свечку. Невеста садилась за стол и причитала:

Вы попейте, подруженьки,
Моего пива пьяного,
У меня молодешеньки
На горе горьком девишицке
И поешьте да покушайте
Яшицков, вместо пшеницков,
Пшеницников, вместо калачиков,
Калачиков, вместо преницков.
В последний раз я вас потшую,
Я душой красной девицей:
Как завтра о эту пору
Буду молодой молодицею.

Подружки пили пиво и закусывали пирогом, потом выходили из-за стола и, молясь Богу, все вместе причитали:

Слава Христу, слава Небесному!
Я поела да покушала
И напилась пива пьяного,
Со своим со прибранным
И с подружкам – голубушкам
(АРГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 15. Л. 96–97 об.).

В Афанасьевской вол. Сольвычегодского у. к родителям девушки первоначально шел сват «с приказом»: «Согласны ли выдать ее замуж?» Потом начиналось «сватанье», на котором пили чай. Во время чаепития главной была «крестовая» (крестная). Период между «сватаньем» и венчанием носил название «неделя». Накануне венчания у жениха устраивали «парничник», на котором его друзья пили чай, а у невесты – девичник (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 316. Л. 2).

В центральных волостях Тотемского у. период от просваток до предсвадебного дня назывался «неделя», «нидия», «срок», он тянулся недели две. В этот период устраивали «малые и большие смотры» невесты и девичник. На Кокшеньге в начале «недели» отец невесты заваривал пиво и приглашал жениха, который приезжал с «пряниками» – так называли все гостинцы вообще (Верх-Кокшеньга, д. Захаровская) (Едемский 1911: 21; Народные песни Вологодской области 1981: 120).

В низовьях Кокшеньги на «неделе», которая здесь называлась «девичником», начиналась подготовка к предсвадебному застолью, а невеста начинала причитать. В особом причете она просила мать: «Собери-ко ты, матушка, на столы те дубовые много хлеба-то белово. Накорми-ко ты, мамушка,

ты сизых-то голубошок...». Девушек, приходивших к невесте готовиться к свадьбе и шить, обязательно и повсеместно кормили ужином, поскольку они сидели у невесты чуть ли не целыми днями, а кое-где еще и обедали (Балашов и др. 1985: 25, 47–48, 100; Угрюмов 1992: 128; Иваницкий 1890: 80).

В Спасской вол. Тотемского у. на девичнике невеста причитала:

Схожо красное солнышко,
Мой кормилицы ты батюшко,
Принеси-ко мне, батюшко,
Много пива-то пьяново
Да двоеворы-то хмельные,
Да не ведром не братынечкой –
А целой бочкой дубовою!

Невесте приносили пиво, она угощала им подруг (Едемский 1911: 58–59).

В конце «недели» к невесте приходили близкие родственницы, тетки, «божатка» (крестная) и приносили ей особо испеченную булочку *витушку*. Особенно благодарила невеста божатку: «Тибе спасибо, божатушка, за витушку крупивця! У тя витушка крупивця на белом мелу творена, да на сметане замешана, сладким медом намазана». Появление крестной с витушкой означало завершение одного этапа свадьбы и переход к следующему (Балашов и др. 1985: 48).

На Кокшеньге *витушкой* называли круглый сдобный хлеб, замешанный на коровьем масле, яйцах и молоке. Верх хлеба украшали разными «загогулинами» и «кривулями» из теста. Середина обычно украшалась небольшими торчащими кверху жгутиками из теста, по краю витушка обводилась волнистой каемкой из такого же круглого жгута. Узоры делали в два ряда: в первом ряду шла просто витая спираль, по краю – волнистая обводка. Затем делали много маленьких «вьюшек» и украшали ими верх, куда клади маленький колобок. Вьюшки сперва завивали, затем свертывали, а кончики загибали вверх. В Спасской вол. Тотемского у. родственницы невесты, войдя в дом, сразу же передавали витушку кому-нибудь из присутствующих, чтобы сразу броситься к невесте и тем предупредить ее традиционное «хрястанье» (Балашов и др. 1985: 373; Едемский 1911: 34). Витушки на свадьбе давали также девушкам-песенницам, подругам невесты, а на свадебном столе они лежали поверх свадебного каравая.

Свадебный день делился на довенчальную часть, венчание и послевенчальную часть. Все предварительные встречи родственников жениха и невесты подводили представителей обеих сторон к договору о дне предстоящего бракосочетания в приходской церкви.

Сроки венчания всегда обговаривались заранее в соответствии с церковным уставом. Как мы отмечали выше, венчание не совершается накануне среды и пятницы в течение всего года (вторник и четверг), воскресных дней (суббота), двунадесятых, храмовых и великих праздников; в продолжение постов Великого, Петрова, Успенского и Рождественского; в продолжение Святок с 25 декабря по 4 января; в течение Сырной седмицы (масленицы), начиная с Недели мясопустной, и в Неделю сыропустную; в течение Пасхальной (Светлой) седмицы; в дни (и накануне) Усекновения главы св. Иоанна Предтечи (29 августа) и Воздвижения Креста Господня (14 сентября). Эти положения в народе строго соблюдались. За ранее, дней за десять делалось оглашение в церкви: за обедней священник спрашивал прихожан, нет ли каких-либо препятствий к браку. Если препятствий (близкого родства или еще чего-нибудь) не было, назначался день венчания.

Перед венчанием жених и невеста обязаны были, по уставу Русской Православной Церкви, исповедаться и причаститься Святых Таин: «И никак же да не дерзнет иерей под правильною казни и под грехом смертным венчать по обеде ниже вечери, но порану, ничтоже ярущих, ниже пивших, предуготованных и уже исповеданных» (гл. 50 Кормчей книги).

Венчание составляло одну из обычных треб священника, поэтому, когда договаривались о дне венчания, ему давали небольшую сумму денег, куличику, пиво, краиново – пряники или конфеты. В Чакульском приходе Сольвычегодского у. жених приходил к священнику с полуштофом «вина» или давал ему 40 коп. Накануне венчания священник предлагал жениху и невесте «поговеть», если они ранее не приобщались Святых Тайн, то есть соблюдать пост, воздерживаясь от скромных блюд. Жених и невеста перед венчанием соблюдали трехдневный пост: «Воздержание от пищи органично вошло в общий комплекс норм поведения жениха и невесты, в основе которых – подготовка молодых к перемене в их жизни» (Листова 1993: 117–118).

В день бракосочетания они должны были исповедоваться, а потом подходить под венец. Крестяне всегда просили, чтобы венчание проходило в скромный день. В Вологодском у. после получения благословения жених и невеста устраивали скромное застолье, на которое приглашали священника и родственников жениха. Во время угощения подруги невесты стояли в кути или сидели и пели свадебные песни (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 161. Л. 101; Д. 327. Л. 13; Д. 161. Л. 73).

Свадебный день включал однотипные обряды, характерные для многих регионов России. Утром жених со своими родственниками приезжал в дом

невесты, где для них был приготовлен «малый», или «выводной стол», а наряженную в подвенечный наряд невесту выводили к жениху. После краткого застолья жених и невеста в сопровождении партии жениха с «поезжанами» отправлялись в приходскую церковь, где совершалось таинство венчания. Потом «свадебный поезд» направлялся в дом жениха, где их ожидал общий стол, сопровождавшийся характерными для свадебного обряда церемониальными песнями и величаниями. Молодые вместе со всеми гостями участвовали в свадебном пире, потом их отводили в клеть, а гости продолжали пировать. В течение свадебного дня предпринимались некоторые охранительные меры, направленные на то, чтобы уберечь новобрачных от сглаза (Чистов 1987: 407).

День венчания был очень торжественным для жениха и невесты и их родственников. Пока невесту убирали в подвенечный наряд, ее родня готовила застолье для встречи «поезжан» – участников свадебного поезда, которые должны были приехать вместе с женихом и повезти невесту к венцу. Для поезжан готовили непременно «сладкий стол» и легкие закуски, а для жениха и невесты на стол, покрытый красивой скатертью, ставили две тарелки, на каждой из них лежали по ломтию белого ситного хлеба, две ложки, два ножа, две вилки, а середину стола украшало глубокое блюдо со сладким пирогом. Водку привозил «дружок», который приезжал за невестой с женихом со всем свадебным поездом.

Приготовления к венчанию и свадебному пиру шли параллельно как со стороны невестиной, так и жениховой родни. Чтобы приготовить достаточное число кушаний для праздничного обеда и лучше подготовиться к торжеству, родители жениха называли известную стряпуху – «щобы поначе умела печи али варить». Из родственников заранее отбирался умелый распорядитель на «сидинах» и свадебном столе (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 137. Л. 6).

В свадебный день отдельно устраивался стол в доме невесты и в доме жениха, после чего родственники жениха снаряжали «поезд» и ехали к невесте.

В Вологодском у. родители, а также крестные мать и отец жениха благословляли его иконой и хлебом-солью. Тысяцкий (здесь это был обычно крестный отец) брал жениха за руку, все садились за стол по старшинству. По правую руку от жениха сидел тысяцкий, брат или дядя – «большой барин», за ними сидела прочая родня, а по левую руку – две или три свахи. За столом сидели уже в верхнем платье, чтобы побыстрее отправиться к невесте. Дружка жениха угощал гостей закуской, а детям, которые залезли на полати, давал пирог – *кряяное*: «Маленькие ребята, косые заплатки, костыжные воры, репные обжоры! На полатях лежите, сопли

до полу весите!» Еще один пирог или пряники он подавал девушкам, приговаривая: «Красные девицы, пирожные мастерицы, криношные блудницы, горчечные погубницы; как бы у матери яичко сваровать да ребятишкам отдать! Примите от нашего князя краяное!» Когда все усажутся в сани, дружка три раза обходил поезд с иконой, брал с собою шкатулку с пряниками, блюдо с двумя ложками и скатерть, которая была на столе. Потом он садился в сани, и свадебный поезд отправлялся к невесте. В дороге свахи и дружка раздавали *кряяное* – кулебяки, пряники и конфеты жителям деревень, через которые им приходилось ехать (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 161. Л. 92, 97, 100; Иваницкий 1890: 92, 100).

В Кадниковском у., как сообщал Е. Кичин, при «спуске жениха», то есть перед отъездом жениха за невестой, накрывали стол, ставили на него хлеб-соль, перед иконой зажигали свечку. А в доме невесты на стол клали сухой пресный сочень – *хворосток* и закрывали его полотенцем. Когда жених входил в дом невесты, он должен был изломать этот хворосток, а подруги мешали ему это сделать. Свату в это время подруги пели песню:

Дай тибе, Боже, на печь заблюдитесе,
Горячим сшам обваритесе
Киселем подавитесе
(АРГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 15. Л. 106–109 об.).

В центральных волостях Тотемского у. накануне венчального дня в 7–8 час. вечера к невесте приезжали «сваребьяна», или «свадебники»: жених, его родители и крестный, тысяцкий, сват, сестры и другие родственники. Для них готовили жареное, шаньги, драчены (суп не подавали). Пекли *кудри* типа хвороста на масле, а невеста подносила их на тарелке гостям. Угощал гостей кто-нибудь из родни: мать, отец или невеста. Жениха и невесту кормили из одной тарелки. Последней переменой в этот «смотряной» день были *шаньги*. Их украшали сверху разными фигурками из теста и клали грудой одна на другую. «Ужной» этот день заканчивался.

На Кокшеньге приезд за невестой, венчание и пир в доме молодого занимали полтора дня. Жених приезжал под вечер первого дня, а на второй день происходило венчание и пир у молодого. В эти же дни, вернее, в ночь между ними, устраивался девичник. На Уфтуге девичник предшествовал приезду жениха.

На Кокшеньге к встрече жениха готовили стол и праздничные блюда. При свадьбе на «два стола» (вечером и утром) утром невесту водили в баню. После мытья в бане начиналось застолье для ее подруг – «для челяди», но она уже ничего не ела «до винца» (венчания) и до заключительного застолья в

доме жениха. При свадьбе на один стол отсутствовал «вывод перед столы» (Балашов и др. 1985: 106; Едемский 1911: 119). «Женихами» здесь называли весь женихов поезд, вернее, самих поезжан, а спутников жениха – «приборянами», или «прибором». Их число доходило до двенадцати, а то и больше: «Людно приборянам приезжает». В основном это были родственники и друзья жениха; отец и мать, как правило, с ними не ездили. В «прибор» входили, кроме самого жениха, «тысяцкий» – обычно это был дядя или крестный жениха, самый почетный глава поезда; «дружка» – молодой, иногда холостой парень из числа родственников (в его обязанности входило разливать вино, угождать девушек и т. д.); сватья – тетка или «божатка» жениха (но не та, что сватала); сват – родственник невесты (тот, кто ее сватал); «хряпчий», или «храпчий» (в Лохте – «хребец») – один из родственников жениха (зять, двоюродный дядя или еще кто-нибудь, но обязательно мужчина); в его обязанности входило разрезать пироги: «Хряпает, режет рыбник, курник – которые с начинкою пироги. Драчену разрежет на мелкие кусочки» (Лохта).

Собираясь за невестой, приборяне ненадолго присаживались к столу (в том же порядке, в каком они садились за стол у невесты), но много не ели. С собой они обычно везли лагун пива и пироги, которыми угождали «домашников» невесты; за первым столом приборяне закусывали привезенным из дома. Они привозили также *кряны* – «колобки» и гороховый «хворост», их раздавали позже невестиной родне и гостям. К приезду «женихов» готовили небольшое застолье (Балашов и др. 1985: 116–117; Угрюмов 1992: 131).

В Спасской вол. Тотемского у. перед отъездом жениха к невесте дома устраивали «широкий пир», или «поезд женихов», на который приглашали всех родственников, соседей и даже жителей близлежащих деревень. Соблюдая старинный церемониал, столы накрывали большими скатертями, а на середину клади два каравая с витушкой наверху, хворостки и колобки. За столом соблюдался особый этикет: все усаживались по старшинству и значению каждого гостя. На почетном месте – в сутках под иконами – сидел тысячкой, рядом с ним жених, а по другую сторону от жениха – «божатка» (крестная мать) и сватья; дальше, от тысячского, сидела мужская часть прибора, а в сторону от крестной – женская. На скамье видное место занимал «хряпчий». В его обязанности входило разрезать кушанья и раздавать столовые приборы, пробовать прежде других каждое блюдо и заправлять по своему вкусу для всего стола маслом, солью и проч. Каждого гостя угождал сам жених, стоя, держа перед собой поднос с вином и двумя стаканами. Тысяцкий при

этом вызывал каждого гостя по очереди к столу. «Заправный», то есть зажиточный жених должен был угостить всех на славу, и потому пир тянулся довольно долго. Перед отправлением к невесте родители жениха благословляли его хлебом и иконой.

В доме невесты «поезд женихов» встречал ее отец, он угождал им пивом и приглашал в дом. В Верх-Кокшеньге и Верховье женихов при встрече «шибали» житом –сыпали зерном. В Спасской вол. «поезжан» встречали братья или дяди невесты. Тысяцкий вынимал привезенное им вино и угождал родную невесту. После того, как участники «прибора» проходили в летнюю избу и садились за стол, накрытый скатертью (без пирогов и еды), сватья угождала своим рыбником сначала отца и мать невесты, а потом других родственников. За столом пили вино и домашнее пиво (его привозили целую бочку и оставляли у родных невесты) (Едемский 1911: 60, 62).

Пройдя в дом, «женихи» садились за стол в сутках. Но обычно за столом сидели девушки, которые за освобожденные для них места просили выкуп в виде пива, сладкого сусла и пряников. За столом приборяне располагались в следующем порядке: сперва садилась сватья, оставляя место между собой и женихом для невесты; затем жених, сват, тысячкой. Хряпчий и дружка садились на приставную лавку уже с наружной стороны стола. Дружке и сватке доставались места по краям, поскольку им приходилось выходить из-за стола.

На середине стола лежали один на другом два каравая – «столовики»: внизу лежал ржаной, сверху пшеничный (реже – один каравай), а сверху – витушка. В Шуповах на нее клади маленький хлебец – *мяконык*, который давали в руки невесте. Кроме караваев-«столовиков» и витушки на стол клади и другое угождение: пироги, мучники, хворост, пресновинки, рыбники и студень (Верховье, д. Тырлининская).

В Лохте стол стоял открытым, а в Верх-Кокшеньге, Озерках, Верхнем Спасе еду на столе закрывали краями большой скатерти – «столоухи», в другом случае – «полустоловиками». Были и «довгие» (длинные) скатерти – «в три стола»: «Кто побогатее, так держали» (Верхний Спас).

Горячее на стол не ставили и ничего не ели, пока невеста не сядет за стол: это было на следующий день. Однако даже в том случае, когда начинали есть, свадебные караваи не трогали. В Верховье стол стоял до «хлибин»: «Стол до хлибин не разрушают» (д. Калугинская, д. Андреевская). В д. Маркуша приборян кормили после вывода невесты «перед столы»: «До этой поры их не кормили. Как приедут, положат невестинны хлеба, коровай, на хлеб витушку и хворостков стопку, рыбник. Закроют скатертью и

концы закинут. После смотры. Когда все произведут, жених угощает невестиных родителей пивом. Пиво и вино женихово. После смотров открывают стол и нацынут носить, что наварено. Под самый конец – щи. Так хряпций закрывает щи мучником, а сват спрашивает, можно ли по дары? На смотрах главный – сват, а назавтра распоряжайтесь тысячкой, женихов «хрестной» (д. Маркуша, д. Черняково). В Спасах был обычай закусывать по приезде своими кушаньями: ели рыбник, пили пиво. В ряде мест приборяне угощали родителей невесты и других домашников: это называлось «призывать к вину». В Илезе в д. Захаровской (Верх-Кокшеньга), в д. Гора (Нижний Спас) за первым столом приборянам раздавали гостинцы – «кряяна»: «А колобки и хворост как привезли, тут и дарят». В других же волостях гостинцы дарили за вторым столом (Балашов и др. 1985: 120–121).

Свадебный день включал «здравствование», когда «приборяна» садились за стол, а дружка и сватья угощали в кути девушек. С каждой из них они «здраворвались», то есть целовались. Начиная с Нижнего Спаса и вплоть до Устьянской вол. девушек пили пивом из большого поддужного колокольчика: у кого свадьба скоро, колокольчик зазвенит звонче. После дружки и сваты к девушкам приходил с вином сват, предлагая его и невесте, но она вина не пила, а только пригубливала чарку со словами: «Не вино, а отрава». Это означало, что она приняла угощенье, и ее зовут показаться жениху.

«Вывод невесты перед столы» – важный этап свадебного чина, когда невесту одевали в праздничную одежду. Обычно при этом ее умывали водой из братыни, а в верхних волостях – водой с вином, «шоб румянее была» (Илеза, д. Княжая). В Верховье и в Лохте в воду кидали щепоть соли и кусочек хлеба с целью предохранения невесты от глаза.

Невесту выводили две «вывожательницы», сначала угостив пивом. Ей подавали поднос с двумя стаканами, к которому «приборяна» подходили по очереди и сами угощались пивом. Под конец наливали жениху с невестой и поднос передавали в руки тысячного или одной из вывожательниц. Но после этого невеста уходила в куть, а приборян угощали. Этот обряд имел на Кокшеньге многочисленные варианты.

В Кадниковском у. один из тех «нахожих» людей (гостей), кто хотел выпить побольше вина или пива, громко кричал, обращаясь к отцу невесты: «Не ошибся, дедюшко любезный, не ошибся! Що отдает Окулину Кузминишу за нашево Фоку Ильича: парень-от ведь доб (добр), да и больно доб!» А другие гости прибавляли: «Да и больно дороден на всякую работу!» Жених при этом кланялся, а гостю наливали пива (АРГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 15. Л. 90 об.).

Жених и невеста до венца ничего не ели. Гостей угощали в основном скромными блюдами, включая мясной суп. За столом приборяна раздавали гостям «кряяна» – гороховый хворост и булочки. На Кокшеньге девушкам за песни давали витушки и драчену, они их ломали на части и угощали ими гостей. Невесте и жениху тоже доставалось по кусочку витушки, они их прятали за пазуху, а после венчания съедали. Однако гости много за столом не ели. Когда приносили последнее блюдо – пресное или топленое молоко, которое называли «выгон», все вставали из-за стола. Невеста тянула за собой скатерть с тем, чтобы подруги скорее вышли замуж (Иваницкий 1890; АРГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 29. Л. 117).

Перед отъездом к венцу жених и невеста становились на расстеленную на полу скатерть, отец и мать невесты благословляли их иконой (Балашов и др. 1985: 253–254; Урюмов 1992: 134; Иваницкий 1890: 101).

В Жерновковской и Авнегской волостях Грязовецкого у. в день свадьбы у дома невесты собирались мужчины и парни. Когда жених подъезжал, они расстилали в ногах лошади дружки рогожу, требуя выкупа за невесту – «на рогозку». Им давали деньги, два ведра пива и белый пирог. Дружка обращался к отцу невесты со следующими словами: «Налей-ка мне стакан пива: ехал я, дружка, против солнышка, призасохло у меня в горлышке». В Пермасской вол. Никольского у. в свадебный день перед венчанием родители и тысячный благословляли жениха иконой и караваем хлеба, и «поезжане» ехали в дом невесты. Отец невесты встречал их и подавал дружке пиво со словами: «К чему у вас этот канун варен: к Николе али к Егорию, али ко Спасу Святителю?» Дружка отвечал: «Канун варен для князя молодова, для княгини молодыя». Отец невесты угощал всех поезжан (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 216. Л. 8; Д. 314. Л. 13–15).

После того, как невесту одевали к столу, она садилась на свое место. Полотенце, закрывавшее пироги, снимали со стола и клали жениху и невесте на колени. Тысячный угощал гостей пивом, а мать невесты подавала дружке праздничные блюда – артиль. Дружка нес их один за другим к столу с приговором: «Идет дружка княжая по полу белодубову пред свата, пред князя, пред княгиню, пред весь княжеский полк; сыплется, валится сахарная ества на столы белодубовы!» Подходя к столу, он низко кланялся и ставил блюдо на стол. Дружка также разрезал своим ножом рыбники и подавал их на стол. Последним кушаньем было молоко, закрытое хворостом, или сусло – в постные дни.

Поезжане заходили в избу невесты, молились, садились за столы и пили пиво. На переднем столе лежали один на другом три ржаных каравая, а под

ними *кроеник* – пирог удлиненной формы из крупнитчатой муки (редко – из пшеничной). Они были закрыты «платом» – длинным полотенцем, которое расстилалось во всю длину стола. Отец невесты угощал всех пивом и вином, но кушаний пока на стол не ставили. Дружка угощал девушки «княжим медом» – пивом, привезенным от жениха. Сваха брала *пряженник*, благословляла им невесту и клала его невесте за пазуху в сарафан ближе к рубашке (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 314. Л. 16–17, 19 об; Д. 211. Л. 85).

В Вельском у., отмечал корреспондент РГО П. Воронов, в свадебный день, который делился на довенчальную и послевенчальную части, перед венчанием дружка приглашал всех к столу со словами: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий». Сначала садились родители жениха, потом все остальные. Им дружка говорил: «Добро пожаловать к нам за княжной стол хлеба-соли кушать». Дружка, называемый «передовым», стучался в окошко дома невесты со словами: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий... Служиусе ли дома хозяин?» Отец невесты спрашивал: «Що вы за люди?» Дружка отвечал: «Боговы да Господареви» (АРГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 29. Л. 114 об. – 115).

В Двиницкой вол. Кадниковского у. до венца сваха приносила невесте пряники и пирог. Дружка подносил невесте стакан кваса, в который жених опускал спрятанную во рту серебряную монету со словами: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас! Дарит на сегодняшний белый день молодой князь княгиню дарами. Извольте принять и пить до дна, пить, не отдуваясь. У нас на дне добро и чисто серебро!» Невеста отпивала немного кваса и забирала монету, остатки кваса дружка выливал к ногам невесты: сначала к правой, а потом к левой. Часть пряников невеста клала за пазуху к голому телу, чтобы лучше любил ее «князь», а другую часть – в сундук. В Васьняновской вол. во избежание слаза жениху и невесте перед венцом клали в сапоги льняное семя (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 239. Л. 18; *Иваницкий* 1890: 105).

В Кадниковском у. по дороге в приходскую церковь, проезжая через деревни, дружка кричал: «К князю молодому, тысяцкому большому хлеба кушать!», а свахи жениха бросали «крайное» – изрезанные на мелкие части пироги, которые подхватывали ребятишки (АРГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 15. Л. 115). В Васьняновской вол. «крайное» по дороге в церковь раздавала сваха. Перед венчанием в доме жениха мальчишки на улице сильно стучали поленьями в стены, обещая разворотить дом. Чтобы их унять, сваха выбрасывала им из окна пирог. В Кадниковском у. перед отъездом к венцу все садились за стол. Сваха жениха приносила невесте *кулебяку*, которую

та съедала после венчания (*Иваницкий* 1890: 104; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 267. Л. 13; АРГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 15. Л. 112).

В Афанасьевской вол. Сольвычегодского у. перед венчанием поезжане обращались к отцу невесты со словами: «Господин хозяин, если желаете нас к себе в дом, то наш князь первообрашной велел: становить столы дубовые, розстилать скатерти шелковые, нести хлеба ситные, чашки столовые, ложки дубовые, перемены цястые, осетра свежего, гуся-лебедя жареного, ложки, вилки, блюда, тарелки фарфоровые, вина целой штоф, да слатки водки полуштоф, молошной каши горшок, фунт масла, сметаны, три пасмы толокна, бочку кислого молока. Мы целые сутки не едали – вашего обеда дожидали». Затем поезжане обращались к стряпухе: «Здравствуй, стряпка! Стряпка от пеци бросилась, на курицем говне роскатилась, руками, ногами забилась, зубами о пол ухватилась. Еще ж, стряпка, не пугайсе, сама себя оберегайсе!»

По местной традиции, поезжан за столом в определенном порядке рассказывал свадебный «сторож», оберегавший жениха и невесту от колдунов. Справа от него сидел жених, тысяцкий и «сватовец», с левой – сваты жениха и невесты, дружки и «поезжанец». Когда все усаживались за стол, «сторож» брал хлеб со стола, разрезал его на части и раскладывал на столе со словами: «Ей, добрая хозяюшка! Нет ли коровашков?» Ему подавали *коровашки* – житные (ячменные) постные пироги, которые он также разрезал и раскладывал, как и хлеб. Потом просил подать ему *сочней*. В Сольвычегодском у. их называли *газетами*. «Сторож» тоже раскладывал их на столе и просил подать щи, кашу и рыбник, если свадьбу играли в скоромный день. А в постный день ему подавали *похлебоцьку* – кашицу из сухой трески или из голов трески. Потом он просил подать восковые свечи, зажигал их на божнице и читал молитву, как и перед обедом. После молитвы все садились за стол, и угощение начиналось (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 316. Л. 30–31, 45).

Гостей угощали дружки: один подносил им вино, другой – пиво, но сначала обращались к тысяцкому: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас! Господин тысяцкий!» Он отвечал: «Аминь вашей молитве». Потом подносили «сватовцу», сватам и другим поезжанам. Когда все подзакусят и порядочно выпьют, «сторож» подавал знак, все вставали, и он произносил: «Благодарю Тебе, Христе Боже!» Все выходили из-за стола на улицу, но дружка оставался за столом. Когда жених выводил невесту из-за стола, она стаскивала со стола скатерть и все, что там было. Существовала примета: если она не стащит со стола скатерть, то ее подружки долго не выйдут замуж (АРЭМ. Ф. 7. Оп.

1. Д. 316. Л. 45–47).

Во время венчания молодые становились мужем и женой. Только после венчания начиналась «освященная обычным правом совместная жизнь новобрачных» (Зеленин 1991: 332, 340).

В Чакульском приходе Сольвычегодского у. в назначенный день «свадьба» приезжала на погост в 10–11 часов утра и останавливалась в доме у одного из причетников. Жених с дружкой шли к священнику с дарами: 20 аршин холста они отдавали на весь причт, полотенце и 2 руб. давали священнику за венчание. Священник давал им «обысковую» книгу, в которой они расписывались, и затем шли в церковь. В Вельском у. после совершения таинства венчания весь свадебный «прибор» уходил в трапезную, где молодые съедали «запазушный» рыбник, а тысяцкий и сваха раздавали *крайное* – пряники или *колачи* из пшеничной муки. Потом все отправлялись в дом жениха, где их встречали родители молодых и гости. После благословения родителями молодая постилала свою скатерть вместо хозяйской и уходила с молодым в особую комнату, где они ели припасенные к этому случаю коровайные горбушки; только после этого отправлялись к свадебному столу (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 14; АРГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 29. Л. 118).

Во время венчания жениха и невесту неизменно сопровождал дружка. Он подсказывал жениху и невесте, как и что им делать в церкви, принимал от них венчальные свечи и т. д.

По сообщению корреспондента РГО протоиерея А. Шайтанова, в 1848 г. в Верховажском посаде Вельского у. после венчания молодых отводили в особую комнату, где они ели просфору, а потом ехали к брачному столу. Дома их встречал отец жениха с булкой в руке, которой он снимал с новобрачной покрывало с головы и трижды обводил булкой вокруг головы молодых, произнося шепотом: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа». Булку он клал на стол, а покрывало – на левое плечо молодой и целовал новоиспеченную пару (АРГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 62. Л. 48).

В Тиксненской вол. Тотемского у. за венчание невеста дарила священнику пирог с рыбой (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 376. Л. 22–25).

В Вологодском у. после венчания тысяцкий дарил причту и всем присутствующим в храме *крайное* – пряники и крендели. В Кадниковском у. священнику давали два пирога, а прочим – по одному. После венца молодую закрывали двумя платками, и она вместе с молодым в трапезной ела пироги с рыбой. На Кокшеньге за венчание священнику платили пуд ржи (пиво привозили ему на дом), третью того же давали псаломщику (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 378. Л. 11 об.; Д. 147. Л. 24; Д. 267. Л. 16; Балашов и др. 1985: 32).

Чтобы молодые любили друг друга и хранили супружескую верность, сваха по окончании венчания отводила их в сторону и, усадив на лавку в церкви, доставала из-за пазухи молодой пряник (он был положен свахой заранее из гостинцев жениха), разламывала его на две части и давала молодым съесть (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 211. Л. 92).

Венчание происходило днем, около 12 часов. На Кокшеньге после венчания молодые съедали два небольших, величиной с ладонь «рыбника», которые им давала сватья перед отъездом к венцу; корки сватья забирала себе. В Спасской вол. Тотемского у. корки от рыбника молодая скармливала скоту в доме мужа, «чтобы скот дружнее жил» (Едемский 1911: 127).

В Вельском у. перед отъездом к венцу жених ничего не ел и не пил, а только как бы между прочим менял местами хлеб: верхний «хозяйский», который лежал на столе вместе с солью, он убирал в свою «коробью» и увозил к себе домой, а на его место клал свой, привезенный из дома. Перед этим он обрезал у обоих короваев горбушки и клал к себе за пазуху. В народе считалось, что во время венчания горбушки получали особенную силу и укрепляли брак, поэтому после венчания молодые их вместе съедали. Невеста же со своей стороны сыпала в обувь жито, а для жениха скрывала за пазухой пирог с рыбой, с той же надеждой на благополучный брак (АРГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 29. Л. 116 об.; Воронов 1862: 4–10).

После совершения таинства венчания «княжкой» (женихов) поезд обычно направлялся в дом жениха, где начиналось основное «столованье» – свадебный пир, брачный пир, где их ожидал богатый стол и множество гостей. В отдельных уездах Вологодской губ. он еще назывался «радошным столом», потому что символизировал всеобщую радость и согласие «мира» на нерушимый союз молодых, но он также имел и другие названия, например, «веселый пир» (Зеленин 1991: 342). В разных местах Вологодчины свадебное застолье называли также «почесный стол», «большой стол», «княжой стол», «красной стол», «пирщество», просто «стол»; «хлибенный стол». Последнее устраивали на следующий день после свадьбы или через день в доме молодого.

По традиции свадьбу играли три дня: в первый день справляли свадебный пир в доме молодого, во второй день – у тестя и тещи, на третий день – гуляли по-разному.

После венчания свадебный поезд направлялся в дом жениха, реже в дом невесты. Их встречали родители «хлебом-солью»: эту роль выполнял большой и красиво украшенный коровай (белой каравай) из пшеничной муки с небольшой солонкой. Обряд встречи молодых «хлебом-солью» совершался по-всеместно. В Тотемском у. новобрачных встречала

мать молодого и бросала им в лицо зерна пшеницы – чтобы они богато жили. После благословения их иконой и «хлебом-солью» молодые садились за «княжой стол».

При встрече молодых их «шибали» (осыпали) житом и ячменем. «Жито – это жизнь», – говорили в Тотемском у. на Кокшеньге (Озерки, д. Евсеевская). В Вологодском у. пекли белый *коровай* с цветком наверху, но благословляли обязательно черным хлебом: «Чтобы черный-то хоть был». В Кадниковском у. тоже благословляли ржаным (ситным) *короваем*, чтобы, как считали в народе, молодые жили богато (Иваницкий 1890: 73).

Одни исследователи усматривали в происхождении свадебного каравая индоевропейские корни, другие считали его заимствованием у греков, но он стал обязательной принадлежностью свадебного пира у всех восточных славян. Считалось, что каравай обеспечивал изобилие и плодородие будущей семьи. В некоторых случаях было принято украшать свадебный каравай небольшим нарядным деревцем, символизировавшим расставание невесты с девичьей жизнью. Д. К. Зеленин приводит интересные данные, указывающие на самобытную историю жителей Русского Севера: «У тех севернорусских, среди которых преобладали выходцы из Владимира-Сузdalских земель, ритуальный свадебный хлеб полностью соединился с украшенным деревцем под названием *курник* (т. е. хлеб, украшенный птицами), *сады, елка, девяя красота*. Напротив, у тех севернорусских, среди которых преобладали выходцы из Новгорода, в качестве свадебного каравая берут обычный хлеб, которым благословляют жениха и невесту. Такой хлеб никогда не бывает украшен растениями». По образцу свадебных деревьев севернорусские крестьяне иногда делали такие же украшенные елочки в память о молодых мужчинах, призванных на военную службу (Зеленин 1991: 338–339).

«Следует еще указать на коллективный, общественный характер свадебного каравая, в приготовлении которого принимает участие вся деревня. Ф. Волков говорит о складчине, устраиваемой в этих случаях между всеми членами данного рода, однако наблюдениями других исследователей это в большинстве случаев не подтверждается... Севернорусские также собирают на *курник* (обрядовый хлеб с украшенным деревцем) по всей деревне (Сарапульский у. Вятской губ. и др.). Однако такой коллективный характер отнюдь не является специфической особенностью одного лишь свадебного каравая; он присущ и другим моментам как свадебного, так и некоторых других обрядов» (Зеленин 1991: 339).

Совместная выпечка свадебного каравая была более характерна, например, для Рязанской губ., где

в этом принимали совместное участие представители родни жениха и невесты накануне или в день свадьбы. Его выпечка сопровождалась определенными действиями с их стороны, составлявшими в целом законченный «каравайный обряд» (Воронина 2017).

В Тотемском у. на Кокшеньге родители жениха с караваями встречали молодых на *мосту* (в сенях). Молодые клали их себе на голову, входили в дом, а в избе клали их на *полицу*, над тем местом, где они должны были сидеть во время пира. Иногда они надкусывали каравай, но чаще клали его нетронутым. В Верховье обе родственные стороны пекли четыре каравая-столовика: два каравая лежали на столе, а два – подавали молодым.

Проходя через хозяйственный двор, молодая должна была погладить каждую корову и покормить кусочками витушки или *мяконького* либо кусками каравая (или ломтями хлеба), которые молодой подавала свекровь. В других случаях кормить коров хлебом молодая ходила со свекровью из-за свадебного стола (Нижний Спас, д. Гора).

Молодых сначала отводили в горницу и кормили, а потом уже сажали за стол «столовать» вместе с гостями. На свадебный пир приходили только «званные» гости: «приборяне», родители и родственники молодых. Те, кто приходил на свадьбу без приглашения, сидели в «подпороге». Зажиточные крестьяне на свадьбу (как и на крестьины) приглашали в качестве почетного гостя священника.

Перед молодыми ставили один прибор, один стакан, одну ложку и одну вилку. Молодой кормил жену: «Хлебнет, ее покормит» (Нижний Спас, д. Угольна). На *хлебинах* молодая сама кормила мужа с ложки (АРГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 29. Л. 119; Балашов и др. 1985: 128).

Дружка после венчания неотлучно находился с молодоженами и сопровождал их до свадебного стола. Обязанностью «дружки» было оберегать жениха и невесту от сглаза и порчи, он же являлся, по выражению Д. К. Зеленина, «церемониймейстером свадебного пира» (Зеленин 1991: 341).

Места за свадебным столом, особенно в его центре, были строго ритуализированы. В Тотемском у. за стол в переднем углу садился *тысяцкий* и «большой барин», возле них, с правой стороны – молодые, за ними сваха, а дальше – прочие поезжане. Первым из всех участников свадебной церемонии начинал пробовать праздничные яства *тысяцкий*, потом другие участники застолья. Молодые сидели отдельно во главе стола, им клали одну ложку и один кусок хлеба (Озерки, д. Евсеевская).

Гостей за столом рассаживал отец жениха. Столы всегда ставили поперек половиц. Между двумя столами оставляли промежуток примерно в аршин.

На лавку между столами всегда вдоль по половице садился жених, справа от него крестный отец, затем «большой сват», зятевья, сестры и другие родные.

К свадебному столу обычно подавали рыбник, студень, мясной суп, *сальник* (из печени и из легкого, сваренных в горшке), кашу, жаркое, яичницу, драчену из овсяной крупы. В центре стола ставили одну на другую три шаньги – мал мала меньше, сначала ели нижнюю большую шаньгу, потом среднюю и верхнюю (Балашов и др. 1985: 293–296; Народные песни Вологодской области 1981: 124).

Гости привозили гостинцы еще до венчания, в середине дня, как и на девишине, и передавали их отцу или матери жениха; мужчины привозили кардай хлеба и кусок говядины, а женщины – по полному лукошку пирогов.

Венчание чаще всего происходило вечером – от 15 до 20 часов. После венчания начиналось «столованье». Ставили опять поперек половицы 2–4 стола. Молодой сидел на углу первого стола, а молодая – дальше между столами, ей всегда приходилось тянуться, чтобы хлебнуть из какой-нибудь чашки. У зажиточных сначала угощали чаем, а потом подавали кушанья. Первым блюдом на свадебном столе всегда был студень, вторым – рыбник, пирог с треской или щучиной. Третье блюдо было из мяса, но его подавали не каждый раз (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 311. Л. 5–5 об., 7).

В Вельском у. свадебный стол назывался «радошный», или «почесный стол», он включал 15 и более перемен. Сначала подавали холодные блюда: студень («ножная» и «брюшная»), щи, жаркое из баранины, пироги с рыбой (щукой, палтусом или треской), пироги с говядиной, оладьи с горохом и картофелем, яичницу, кашу из ячной крупы, саламат, яйца и молоко с толокном. «Кратко сказать, – писал П. Воронов, – тут все бывает, чем богат наш селянин, даже яйца». Молоко с толокном – болтушку, после того как гости его отведают, выпивал дружка – в ознаменование начала брачной жизни молодых (АРГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 29. Л. 118–119; Воронов 1862: 17–18).

В Афанасьевской вол. Сольвычегодского у. во время «столованья» невеста ничего не брала руками, а подхватывала очередное кушанье рукавами своей рубашки. Свадьба проходила очень оживленно. В Сяндемской вол. Никольского у. «большой» свадебный стол делали обычно у жениха. За столом молодая была обязана потчевать гостей. С полатей, где сидели дети, иногда слышались крики: «Ура! Мало дал сюда!» Так подростки просили «красногу»: им бросали пироги. Не успокоившись на этом, они кричали снова: «Подавились!» Им давали пива, после чего они уже кричали: «Ура! Молодым добра!»

В Двиницкой вол. Кадниковского у. гостей на

«свадьбу» приветствовали так: «Ночевали здорово-ли?» – «Подико здорово!» – «Добро пожаловать! Садитесь, гости дорогие!»

В Миньковской вол. Тотемского у. с одной стороны свадебного стола сидел один «чашник», который угощал пивом, а с другой – еще один «чашник»: он угощал «вином». Постепенно оба чашника сходились, и каждому из них подавали стакан пива и стакан водки, которые они должны были выпить. Отказываться было нельзя, если же кто-либо из них не выпивал, то выливал себе за пазуху со словами: «Што пито, што лито» (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 316. Л. 47; Д. 238. Л. 22 об.; Д. 239. Л. 3; Д. 378. Л. 12).

К свадьбе начинали готовиться дня за три. «Ставили пиво», то есть варили пиво кадками. Обычно делали 10–20 ведер пива и покупали вино (водку), смотря по количеству родни. Стряпать начинали за день. Пекли десятки пирогов, причем преимущественно «круглые» пироги, которые подавали на вторую половину стола один за другим, иногда до 10 штук. Первый пирог был с яблоками, второй – с крупным изюмом, третий – с вареньем и т. д. Сверху пироги украшались разными фигурками, часто они различались только украшением. Еду брали вилкой или руками.

К свадебному застолью заготавливали достаточноное число блюд из говядины и баранины, студней. Жаркое здесь называли «середкой», для его приготовления бараний или свиной задок начиняли целыми яйцами и пшеном. Когда такое жаркое подавали к столу, то гости выходили из-за стола на *повить* плясать. Потом тысяцкий вынимал из «середки» яйца, разрезал их на куски и на тарелке обносил ими гостей, начиная с новобрачных.

За столом гости высказывали пожелания молодым счастливой жизни и здоровья. Дьякон или священник возглашали многолетие новобрачным. Всем распоряжались и потчевали гостей отец и мать молодого, его старшие братья, дяди и другие родные, которые за стол не садились. После стола гости опять выходили на *повить* и плясали (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 272. Л. 17–18).

Еще одной особенностью свадебного стола была запеченная в печи свиная голова, это блюдо называлось *честь*. Его называл в числе свадебных блюд и Д. К. Зеленин: «В ряде русских губерний на свадебном пиру ставится на стол украшенная свиная голова – с серебряными серьгами, ожерельем и шелковыми лентами, гости встречают ее ликованием, песнями и танцами» (Зеленин 1991: 343). Такую свиную голову, испеченную целиком в ячной крупе, привозили на свадьбу гости в Никольской вол. Сольвычегодского у. Здесь из толченого картофеля, яиц и молока обязательно готовили «картофельную дрочену», обильно сдобренную сверху маслом;

«ячную дрочену» готовили из ячменной муки, яиц и масла; готовили также «селянку», сделанную исключительно из яиц с маслом. В числе других свадебных блюд были студень из бычьих и коровьих ног, мясные щи, жареная баранина, жареный картофель. К столу подавали также пирог с малиной «в белой корке», то есть из пшеничной муки, и пирог с рубленой говядиной.

В Двиницкой вол. Кадниковского у. после венца молодые ели пироги, привозимые свахой. За свадебный стол усаживались родные молодого и сваха, потом невестина сваха, «княгиня», «князь», тысяцкий, отец и мать молодой и вся ее «порода». Дружка говорил: «Помолитесь Богу!» Все вставали, и дружка читал вслух молитву «Отче наш». К столу приносили пирог, и отец «князя» (молодого) угощал гостей. Первый стакан он подавал «князю», сын немного отпивал и подавал стакан молодой; та, отпив, подавала его обратно «князю», а он – отцу. Второй стакан подавали тысяцкому, потом отцу молодой, который передавал его своей жене, и ему вновь наливали. Он выпивал, а потом подзывал всю свою «породу» и подавал им по стакану. Также потчевала всю «породу» и его жена. Прочие гости пили, никого не угощая. Некоторые из них при этом заставляли молодых «посластить», то есть поцеловаться.

На свадьбе присутствовали и деревенские дети, которые забирались на полати и оттуда кричали: «Ура, молодым худа!» Им давали пироги, они их съедали и кричали снова: «Тысяцкий, подавились!», и им подавали ендову пива.

Кушанья несли на стол, подняв высоко над головами, приговаривая: «Ожгу, ожгу!» Перед пирогами две женщины с «князевой стороны» всех целовали и «роцщепывали» пироги, разделяя их на куски. После пирогов подавали блины, которые ставили перед молодыми; рядом с блинной тарелкой ставили пирожковую. «Князь» показывал деньги (рублей 100 и больше), клал их на тарелку, добавлял «серебрушки» (деньги серебром) и показывал гостям, затем передавал их матери со словами: «Возьми, мати, на блины!» (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 319. Л. 12–13; Д. 239. Л. 9–9 об.).

В некоторых деревнях Вологодского у. после венчания сначала пили чай с булками. Во время чаепития ставили на стол маленькую «елочку» (деревце), всю укрупненную пряниками, орехами, лентами, и зажигали на ней свечи. Когда чаепитие заканчивалось, елочку гасили. После поднесения даров начинались «сидины», или «сидинный стол». Гостей особенно много не бывало, и застолье состояло из трех блюд, не больше. Сначала подавали студень, щи, ушное, ковровушки, жаркое, затем шли пироги разных сортов. Под конец застолья приносили *розгонное* блюдо: два пустых блюда, опрокинутых друг на друга.

Когда ехали к невесте, каждый родственник приносил каравай с солью, а поверх него клади отрез ситца. Каравай принимал отец невесты.

В Вологодском у. после венчания ехали в дом к молодому. Чтобы молодые жили богато, по приезде домой отец и мать встречали их хлебом-солью, благословляя при этом иконой и одновременно бросая в лицо новобрачным овес, ячмень или пшеницу. Иногда это делали девушки, или мать встречала молодых на крыльце с пирогом-кулебякой. Свадебный коровай пекли из ржаной (ситной) или из пшеничной муки, им родители благословляли новобрачных, чтобы они жили богато (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 138. Л. 1 об., 4 об.; Д. 211. Л. 94; Д. 139. Л. 3).

После недолгого чаепития молодые и гости садились за «княжой стол» по степени родства. Столы стояли в два ряда: один шел от божницы к полатям, другой – к кути. Каждый стол был покрыт белой скатертью. Первый стол (со свадебным караваем) покрывали двумя скатертями, чтобы с одной из них взять каравай для встречи молодых после венца. Перед каждым гостем лежали отдельная «хлебальная» деревянная ложка и ломоть хлеба. На каждые 4–6 человек подавали кулебяку, пирог и блюдо с яствами. Особенностью местного застолья было то, что сначала подавали большой желтый сладкий пряник. Потом на середину стола ставили *середку* – жареное мясо или плечо барашка, начиненное пшеном. После этого кушанья гости выходили из-за стола на поветь поплясать, потом опять садились за стол, и далее порядок подачи кушаний шел по свадебному чину с частыми криками: «Горько!»

Украшением свадебного стола были пироги. Их «басили» (украшали) ягодами – кто как «издохтурится». На стол подавали крупнитчатые (белые) и пшеничные пироги. К ним относились кулебяки четырехугольной формы с рыбой; круглые пироги с «верховой» начинкой – с яйцами, черникой, маком, изюмом. В Спасской вол. Вологодского у. прежде был обычай кормить жениха и невесту одной ложкой, но в 1890-е годы это «вышло», и вообще обряды упростились (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 161. Л. 68, 101–102; Иваницкий 1890: 73).

На свадьбе пили много пива. В Кадниковском у. его варили на поварнях родители невесты и жениха в несколько приемов: сначала ушатов тринадцать, потом еще столько же, смотря по объему «тшана» и количеству солода. Каравай, которым благословляли молодых после венчания, назывался *кровеник*.

Для гостей накрывали три стола. Молодые садились под образа, помолившись Богу. Начинали носить на столы пироги, кушанья, пиво. В Большемургинской вол. кушанья подавал дружка, закрывая каждое блюдо со словами: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий наш, помилуй нас! Ноги с под-

ходом, руки с подносом, голова с поклоном, язык с приговором. Извольте покушать да нас послушать!» (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 139. Л. 3; Д. 227. Л. 8, 21; *Иванецкий* 1890: 105).

В другом случае дружка подходил к столу новобрачных и говорил: «Ножки с подходцем, руки с подносцем, коря (коря, корец – деревянная чаша для пива. – Т. В.) с питьем, голова с челобитьем. Милости просим, испить подносим, в чашечке побочить, в ротик помочить. В чашечке не стало, к ретиву сердцу пристало, в чесь да в славу, буйною главою, вали бы испить да мне поклон воздать!» После этого все кричали: «Горько!» Молодые выпивали из одного стакана и закусывали (одной ложкой) яичницей.

На другое утро все горшки, какие только найдут в доме, кидали в двери комнаты, где спали молодые.

В Кадниковском у., когда делали «княжий стол», мать молодого с утра пекла шаньги – блины из крупянистой муки. Первый блин брал молодой и отдавал половину своей жене. Ели и пили целый день, а молодая в сопровождении свекрови ходила по дому и приучалась к хозяйству.

Обязанности дружки на свадьбе состояли в том, чтобы усадить людей за стол, подать кушанье, посолить хлеб, разрезать пироги, попробовать каждое кушанье и предложить гостям. Дружка всегда выбирался из чужих, а не из родственников. За это ему давали от жениха каравай хлеба и два пирога, а от невесты – 50 руб. деньгами и полторы сажени холста.

Когда молодых отводили в клеть, там их кормили обедом из одной ложки (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 227. Л. 21, 22; Д. 239. Л. 19; Д. 267. Л. 16–17).

В Кадниковском у. в отношении напитков соблюдали такой порядок: сначала подавали закуску, потом немного водки и пива – до 16 ушат.

На закуску подавали пирог с рыбой, у которого дружка сначала срезал ножом верхнюю корку. Запачканную рыбьей чешуей руку он сначала вытирали о свою голову, потом – о полы кафтаны, а потом разламывали пирог на части и раздавал гостям.

После закуски сразу начинался ужин (ужна), обычно подавали пирог с рыбой, щи с говядиной, жаркое, студень, пшенную кашу, жареный картофель. Овсяный кисель с суслом считался настоящим лакомством. В заключение ужина «проводили крохи», то есть запивали пивом.

За столом угощали отец и мать молодого. Мать молодой на свадьбу не приглашали, только ее отца. Он сидел в переднем углу, рядом с ним по левую руку сидела молодая, потом молодой, рядом тысяцкий и «большой хозяин» (отец жениха). Невестина родня столовала в кути.

В Жерноковской и Авнегской вол. Грязовецкого у. во время брачного пира за столом сидились по старшинству в следующем порядке. На первом по-

четном месте в углу под иконами сидели отец и мать молодой, на втором месте, возле ее родственников – сват, на третьем месте возле молодого – тысяцкий (он же крестный отец жениха), на четвертом месте, возле невесты – сваха, на пятом месте – братья и крестная мать невесты и далее – по линии родства, удаляя от почетного стола дальних родственников и вообще женщин, которых всегда рассаживали уже за задними столами.

Когда все гости садились на свои места, дружка уводил молодых в горницу, где они ели, и потом приводил обратно. Гости не ели, ожидая их. Сваха в это время расстилала чистые белые скатерти на столах и клала на них привезенные из дома невесты пироги из крупянишки с рыбой, по одному на каждый стол. Дружка разрезал пироги на мелкие части, подсыпал вместе со свахой к столу отца и мать молодого: «Покорнейше просят покушать хлеба-соли своей молодой невестки».

В Семеновской вол. Грязовецкого у. после венчания для поезжан делали «маленький стол», молодые тоже присутствовали за столом (прямо в шубах), но не ели. Трапеза включала три блюда: пирог, холодные щи и круглый закрытый пирог, но его не разрезали, он служил только знаком выходить из-за стола. Но перед тем, как сесть за свадебный стол, молодые шли в особую комнату, где пили чай и хорошо закусывали. После этого молодая чета, приодевшись, как полагается, шла к «красному столу» и садилась под переднее окошко, для чего непременно раздвигали столовы. По правую сторону от молодого садился его крестный отец – «тысяцкий», родители молодой и священник. Место напротив молодых занимали братья с той и другой стороны. Когда все гости усаживались по местам, дружка выкрикивал: «Стряпушка-поварушка, поворачивается к печке задком, ко мне передком. Что есть в печи, все на стол мечи!» Это он повторял перед каждым кушанием. Когда подавали жаркое, все кричали: «Горько!» и выпивали со словами: «Сладко!» В начале «красного стола» мальчишки с полатей кричали: «Молодой-то не хороший, молодая-то еще хуже!» Им подавали пироги, и они опять кричали: «Молодой-то хороший, молодая-то еще лучше!» Когда съедали пироги, дети продолжали кричать: «Ель да береза – то ли не дрова, каша с маслом – то ли не еда, Марья Ивану – то ли не жена!»

По окончании свадебного стола дружка «отбивал сердце у молодых»: ему подавали горшок, иногда даже с кашей, и он, предупредив заранее лежащих на полатях, кидал его туда так, что горшок разлетался на мелкие части и иногда не без неприятных последствий для находящихся вблизи (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 174. Л. 16–17, 41–41 об.).

В Тотемском у. новобрачные сидели в переднем углу, ели одной вилкой, одной ложкой из одного блюда и пили из одного стакана. В Миньковской вол. молодые тоже пили из одной рюмки или стакана, хлебали одной ложкой. Перед ними ставили отдельно графин с наливкой – «красной водкой». Молодой наливал себе в рюмку, выпивал, угощал жену и других гостей. В это время гости наслаждались разнообразными блюдами. Это были рыбники, студень, щи мясные, говяжье жаркое, жареные полосы из говядины и свинины, жареные лопатки от ягнят. На первом столе лежали две большие ковриги из ржаной муки и *столовик* – очень большой пирог около 2–2½ четвертей в длину из белой муки; сверху этот пирог был разукрашен и опоясан кашемировой лентой. Они считались символом свадьбы. Во время «девишика» ковриги и *столовик* уже лежали на столе, после свадебного стола их забирали, а на второй день (*хлибяня*) опять клади на стол, а после обеда убирали (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 216. Л. 47, 48; Д. 378. Л. 12; Д. 142. Л. 7).

В Пермской вол. Никольского у. после венчания новобрачные отправлялись в дом молодого, где его родители встречали их хлебом-солью у ворот дома и благословляли иконой. При этом мать жениха бросала из солонки соль в глаза молодым, потом клала каравай хлеба на голову молодицы, которая несла его в избу, клала на стол и садилась с мужем за стол. После этого начиналось «пиршество», или «стол». Отец подавал блюда всем гостям, но особенно щедро угощал тысяцкого и сваху. После третьего кушанья начинался «перепой», то есть поили за деньги (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 342. Л. 4; Д. 304. Л. 7; Д. 314. Л. 22–24).

Особая роль на свадебном застолье отводилась блюдам, после которого полагалось вставать из-за стола.

В Вологодском у. в качестве «разгонного блюда» на стол ставили на тарелке три булочки. В Двиницкой вол. Кадниковского у. приносили два порожних блюда и ставили на стол со словами: «Извините на малом угощении!», на что им отвечали: «Довольно, благодарим!», все вставали, молились Богу и выходили из-за стола, начинались пляски (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 239. Л. 9 об.; Д. 139. Л. 2; Народные песни Вологодской области 1981: 124). В Тотемском у. обычно подавали кисель, но в Миньковской вол. последним кушаньем считалось молоко в чашке, прикрытой сверху *хворостом* и *пряженником*. Когда подавали молоко, отец говорил: «Хлеб да соль, сватовья любезные!» В Никольской вол. Сольвычегодского у. «выходным блюдом» тоже было молоко.

Брачный пир заканчивался поздно вечером. До утра молодых никто не беспокоил. В Кадниковском у. их проводили ночью сваха и дружка, приносили им

саламат (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 378. Л. 12 об; Д. 319. Л. 12–13; Д. 239. Л. 19; Иваницкий 1890: 106). В Кулойской вол. свата в конце свадьбы отдельно ото всех угощали как почетного гостя *соломатом* из овсяной крупы, замешанной или поджаренной на масле (Боронов 1862: 4–10).

Застолье на второй день после свадебного пира чаще всего называлось *хлибины*. Но были и другие названия. Происхождение слова *хлибины* идет от выражения «хлебовать», то есть трапезничать. В. И. Даль указывал, что слово «хлибины», или «хлибины» чаще употреблялось в Архангельской, Новгородской, Олонецкой и Пермской губерниях как третий день «по свадьбе» или «прощальный стол» у родителей невесты (Даль 1994: 1195). Возможно, это название, как и «хлебить» (угощать новобрачных) – одно из архаичных словообразований.

В некоторых волостях Тотемского у. на другое утро после свадебного пира начинали «разыскивать невесту»: на свата надевали рогожку, опутывали веревками и водили по всей деревне как виновника пропажи. В каждом доме ему подавали «милостыню» в виде съестного, им он откупался в доме молодого, где уже все сидели за столом. Свату давали также две одинаковых бутылки с вином и соленой водой и предлагали угадать, в которой находится вода. Если он отгадывал правильно, то его заставляли выпить всю бутылку с соленой водой. Когда приезжал тестя, начинался «радочный стол», потом ехали к родителям невесты (АРГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 67. Л. 31; Иваницкий 1890: 106).

В 1895–1896 гг. в Спасской вол. Тотемского у. на Кокшеньге, когда новобрачные ехали на «хлибины» в дом молодой, их встречали хлебом-солью и пивом, они заходили в избу с караваями на головах и клади их на *полицу*. С ними ехали свекор, свекровь, деверья, отданые замуж золовки (незамужние девушки не ездили), дяди, тетки, двоюродные братья. Их всех сажали за один стол, а родню молодой – за другой стол. Сначала гости пили чай, вино (водку), потом начинался «княжей стол», который сопровождался различными обрядовыми действиями.

Так, сначала на «княжей стол» подавали блины из пшеничной муки, хорошо сдобренные маслом. На верхний сухой блин теща клала полотенце – подарок зятю. Он брал полотенце, а на блин клал деньги для тещи (30 коп. – 1,5 руб.). Следующий блин съедали молодые, а остальные блины теща уносила, чтобы к концу трапезы подать их горячими. Помимо блинов в угощении входили пирог с рыбой, «вино» и другие кушанья. На «хлибины» молодая привозила «витушку», рыбник, стопу *хворостников*, 3–5 фунтов пряников. Она угощала ими сначала свекра, свекровь и других родственников мужа, потом своих родителей и родственников, соседей и подруг.

Девушкам она давала по горсти пряников и каждой из них кланялась в ноги. После «столованья» молодые уезжали домой. В других местах на Кокшеньге молодые также отправлялись в гости со всей родней мужа: «Приезжают-то все гуртом, гуртом пойдут к молодой в гости. Вот хлибины и называете. Там чашничают. Родители да братовья наперво, а потом родня, невестины угощают» (Едемский 1911: 130–131; Балашов и др. 1985: 298–299).

В Вологодском у. на следующее утро после свадебного пира молодых кормили *олашками* и потом готовили «радошный стол» к приезду тестя. А вечером того же дня молодые и гости ехали на «гостьбу», или «перегоски» к родителям невесты, которые выставляли угощенье (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 147. Л. 24; Д. 161. Л. 103–104; Иваницкий 1890: 106).

В Кадниковском у. молодые с утра тоже пили чай, а после обеда был «радошный стол», к которому приезжал отец невесты. На «пированье» к столу подавали пирог с рыбой, «масленники-пряженники», щи с говядиной, жаркое и студень. Каждому гостю, когда тестя начинал пить водку или пиво, молодица и сваха низко кланялись в ноги. По окончании стола молодая просила гостей пожаловать к ней в дом «на хлибень», и все гости гурьбой отправлялись в дом ее родителей. Туда же приходили многие жители из ближайших селений поздравить новобрачных и выпить стакан пива. Селянкой в виде омлета теща угощала молодого зятя на второй или третий день после свадьбы на «хлибинах» у себя дома. Корреспондент РГО А. А. Шустиков тоже указывал на то, что в 1894 г. в Кадниковском у. на «хлибенах» для гостей в доме молодой готовили *селянку*. Для этого на глубокую сковороду или плошку разбивали 20 яиц, добавляли кринку молока, коровье масло, тщательно перемешивали и ставили в печь до загустения. «Хлибенью» заканчивалась вся брачная церемония (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 267. Л. 18; Иваницкий 1890: 107; АРГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 15. Л. 118–118 об.). В Двиницкой вол. Кадниковского у. сначала ехали «на хлибяна», а на другой день были «перебаски».

Подробные сведения о том, как гуляли на второй день, имеются в описании свадебного обряда в Двиницкой вол. Здесь на следующее утро собирали на стол и кормили молодых завтраком. Часть гостей, выйдя из-за стола и нарядившись посмешнее, шла по деревне собирать масло, яйца, молоко. В тех домах, где ряженые ничего не давали, они мазали окна сажей, а тех, кто давал им продукты, они благодарили и приглашали на *селянку* (яичницу) из собранных по селу продуктов. После этого вся родня жениха ехала к родителям молодухи. «Званных» гостей «почестят», и они приезжали обратно. Молодые в нарядной одежде становились посреди избы, между ними ставили лохань. Сваха молодой

держала в руке ковш с водой, молодая – полотенце, а молодой муж стоял рядом. Гости подходили к ним по очереди, сваха поливала им на руки, а молодая подавала с поклоном «рукотерник» (полотенце). Вытерев руки, гости доставали деньги и дарили их молодым, от одной до двадцати копеек. Когда завершался этот обряд, все садились за стол и их щедро угощали. Последним блюдом была *селянка*.

Селянка была любимым блюдом в Никольском у., но особенно у молодежи. Когда хотели угостить гостей чем-то особенным, то готовили именно селянку. Для этого части курицы клали на сковороду, туда же выливали кринку пресного молока, разбивали яйца, клали масло, соль и долго томили в печи.

В Семеновской вол. Грязовецкого у. на другой день для молодых готовили завтрак, который был не хуже «красного стола». Вечером молодые шли на «отозмины» в гости к родителям молодой (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 174. Л. 16–17, 41–41 об.). В Жерноковской и Авнегской волостях Грязовецкого у., когда на другой день по приглашению отца молодой все отправлялись в его дом на «отозмины», угощение шло таким же порядком и с такими же церемониями.

В Никольском у. на второй день тоже продолжали пировать весь день. В Пермасской вол. Никольского у. на следующее утро после свадьбы утром молодых угощали чаем и «горячиной», а вечером устраивали «княжий стол», на который приезжал отец молодицы и привозил ящик с дарами, произнося молитву: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй нас!» (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 342. Л. 4; Д. 304. Л. 7; Д. 314. Л. 22–24).

В Пермасской вол. Никольского у. «хлибяна» устраивали на третий или четвертый день после свадебного пира, причем под вечер невеста «отказывала» гостям. Это происходило следующим образом. На большое «веко» (луковицу) ставили много стаканов с пивом. Невеста раздавала их гостям и падала каждому в ноги, что означало «пировство кончилось». Соседи расходились по домам, а молодые и гости отправлялись в дом родителей молодицы на «хлибяна». Во время застолья молодая уносила каравай со стола, а *кроеник* резала на части, который тут же ели (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 342. Л. 4; Д. 304. Л. 7; Д. 314. Л. 22–24).

В Вельском у. на «хлибены» ездили на следующий день или через два-три дня, а иногда и через неделю. «Хлибены» отличало радушное и богатое хлебосольство, но это и понятно: два родственных дома соперничали в гостеприимстве и угощении. Теща угощала зятя житными блинами и получала от зятя «четвертку» яичными блинами в подарок ей на сборник и деньги, которые он клал на блинную сковороду. П. Воронов считал, что название «хлибены» произошло от того, что в угощении входили блины

– хлебный продукт (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 216. Л. 53; Д. 304. Л. 8; АРГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 29. Л. 119 об.; *Воронов* 1862: 21).

В Никольской вол. Сольвычегодского у. на второй день после свадьбы также ехали на «хлибины», но утро начиналось с того, что тысяцкий вел молодых за «красный стол», на котором стояли те же блюда, что были и на свадебном пиру, кроме чести. В Метлинской вол. перед столованьем гости умывались и получали рюмку водки из рук невесты, за что ее целовали. Это называлось «мыльное целование». В Палемской вол. обед начинался в два часа дня и места за столом занимали, как и на свадебном пиру – по степени родства, но на первых местах уже сидели гости со стороны новобрачной. Здесь к столу подавали честь – большой кусок хорошо зажаренного мяса весом 30–35 фунтов, по счету это было четвертым блюдом. Каждый отрезал от него небольшой кусочек и передавал дальше по столу. Когда подавали честь, то кто-то сбрасывал с полатей *пестерь* – плетеный из бересты заплечный короб, в котором лежали вещи гостей молодой со словами: «Шапки видите, двери знаете, просим о выходе!» На это никто не обижался, но интересно, что гости молодого уезжали на третий день. Вечером того же дня молодые с гостями уезжали на «хлибины» к родителям молодой. Молодому прежде всего подносили стакан пива или водки, а он потчевал тестя и потом всех гостей, при этом он и сваха низко кланялись гостям в ноги. В конце застолья молодых уводили в особую комнату, где их уготали отдельно – «на особинку». Вернувшись к гостям, они ели со всеми. После «столованья» отец молодой приносил пестерь с шапками, кушаками и рукавицами гостей, давая понять, что им пора собираться домой (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 319. Л. 13; *Иваницкий* 1890: 107).

Свадьбу продолжали праздновать и на третий день, который чаще назывался «прочесье», или «процесье». В разных уездах его отмечали по-разному. В этот день все ездили к молодым «на прочесье» с блинами.

В Спасской вол. Тотемского у. на Кокшеньге «процесье» устраивали на следующий день или через день после свадьбы в доме молодого. Родители невесты ехали к молодым на угощение. Это еще называлось «перехлибины», «перегостыба», «гости», «процесье», «прочесье». Это было заключительное застолье для родителей молодой в доме ее мужа. При встрече родни молодые кланялись всем в ноги и уготали гостей уже как хозяева. Через неделю, обычно в воскресенье, новобрачные ехали к родителям молодой – «на новую родню», где их ожидало угощение. После этого новая родня начиналаходить друг к другу в гости уже по-семейному: «Без прибора и лишних церемоний». Здесь это называлось

«гостыба» (гостьба). На масленицу молодые ездили к теще на блины. То же происходило и в Вельском у. (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 227. Л. 22; Д. 304. Л. 8; *Балашов и др.* 1985: 300; *Угрюмов* 1992: 135; *Воронов* 1862: 21; *Едемский* 1911: 131–132).

В Тотемском, Кадниковском и Вельском уездах родители новобрачной отправлялись в Петров день (29 июня ст. ст.) в дом к молодым, они везли с собой блины, пироги с рыбой, сыр (творог), 50–100 печеных яиц и другие кушанья, то есть устраивали полный обед и уготали им близких родственников. Это называлось «сажать молодых на яйца» (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 117. Л. 4; *Иваницкий* 1890: 107–108; *Воронов* 1862: 21).

В Никольском у. к особенностям третьего дня свадьбы можно отнести интересный обычай, отмеченный корреспондентом Тенишевского бюро И. Потеминским. Здесь молодую заставляли утром «скать сочни» с целью узнать, как она умеет стряпать, после чего снова начиналась пирушка.

В Фетининской вол. Вологодского у. молодые навещали тещу каждый праздник, а теща у молодых гостила преимущественно в первую неделю Великого поста, когда в первый год по выходе замуж в доме молодой бывала «перебаска» с другими молодыми женщинами. Та, которая надевала больше других костюмов, «перебашила» всех остальных.

В Вологодском у. на третий день после свадьбы устраивали «молодишик» для девушек и парней, то же устраивали в Грязовецком у. В другом случае «молодишиком» называли столованье у тестя в первое воскресенье после свадьбы; при этом он ездили с молодыми и их ближайшими родственниками по соседям и звал их к себе в гости (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 147. Л. 24; Д. 216. Л. 53; *Иваницкий* 1890: 107).

В Кадниковском у. молодые на третий день после свадьбы уезжали в дом родителей невесты – «в новые гости», где пировали два дня. Возвращались домой «на хлибяня» – допивать оставшееся от свадьбы пиво и доедать свадебные кушанья.

В Грязовецком у. молодые ездили в гости к невестиной родне также в первое заговенье, как говорили, «на баарана», потому что в этот день специально кололи баарана (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 174. Л. 16–17, 41–41 об.); в Вологодском у. родные молодой приглашали «на баарана» после окончания осенью полевых работ (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 147. Л. 24).

Таким образом, мы видим, что все традиционные досвадебные, свадебные и послесвадебные действия, связанные с созданием новой семьи – сватовство, осмотр невесты, осмотр имущества; подготовка к браку; прощание невесты с девичеством в кругу подруг и последнее предбрачное угощение у жениха; собственно свадьба (приезд за невестой, венчание, главное свадебное торжество в доме

жениха по случаю совершения брака); обряды по случаю совершения брака (главное свадебное торжество в доме жениха, угощение матерью невесты, совместное мытье жениха с невестой), а также раз-

нообразные послесвадебные гостевания – сопровождались у вологодских крестьян строго регламентированными обычаями гостеприимства, застолья, угощения, трапезы.

Источники

АРГО – Архив Русского географического общества.

АРЭМ – Архив Российского этнографического музея.

Воронов 1862 – Воронов П. Вельские свадебные обряды и причеты // Этнографический сборник. Вып. 5. СПб., 1862. С. 17–18.

Едемский 1911 – Едемский М. Б. Свадьба в Кокшеньге Тотемского уезда Вологодской губернии. СПб., 1911. Забелин 1869 – Забелин И. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. / сочинение Ивана Забелина. М.: Типография Грачева и Комп., 1869. (Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст.; Том 2).

Иваницкий 1890 – Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии. Сборник сведений для изучения крестьянского населения Вологодской губернии // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. LXIX. Труды этнографического отдела. Т. XI. Вып. X. М., 1890. Народные песни Вологодской области 1981 – Народные песни Вологодской области: песни средней Сухоны (По материалам студенческих фольклорных экспедиций). Л.: Советский композитор, 1981.

Сумцов 1996 – Сумцов Н. Ф. Символика славянских обрядов: Избранные труды. М., 1996.

Научная литература

Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. М. Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтиюге (Тарногский район Вологодской области). М., 1985.

Воронина Т. А. Традиции питания рязанских крестьян (XIX – начало XX в.) // Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2017.

Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991.

Гура А. В. Вологодская свадьба глазами крестьянина // Живая старина. 1994. № 2.

Гура А. В. Опыт выявления структуры севернорусского свадебного обряда (по материалам Вологодской губ.) // Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы / под ред. К. В. Чистова и Т. А. Бернштам. Л., 1978. С. 72–88.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. Т. 4. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994.

Жирнова Г. В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1980.

Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

Листова Т. А. Православные традиции русской народной свадьбы // Православие и русская народная культура / Библиотека «Российского этнографа». Кн. 2. М., 1993.

Привалова Т. В. Быт российской деревни: (Медико-санитарное состояние деревни Европейской России): 60-е гг. XIX – 20-е гг. XX в. М., 2000.

Самоделова Е. А. Рязанская свадьба // Рязанский этнографический вестник. 1993. Т. 10.

Семенов Ю. И. Пережитки первобытной престижной экономики в обычаях русских крестьян вообще, сельских жителей Рязанского края в частности // Этнография и фольклор Рязанского края. Материалы Российской научной конференции к 100-летию со дня рождения Н. И. Лебедевой (Первые Лебедевские чтения. 6–8 декабря 1994 г.) / Рязанский этнографический вестник. № 21. Рязань, 1996. С. 78–83.

Угрюмов А. А. Кокшеньга: историко-этнографические очерки. Архангельск, 1992.

Чистов К. В. (отв. ред.). Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М.: Наука, 1987.

References

- Balashov, D. M., Yu. I. Marchenko, and N. M. Kalmykova. 1985. *Russkaya svad'ba: Svadebnyi obryad na Verkhnei i Srednei Kokshen'ge i na Uftyuge (Tarnogskii raion Vologodskoi oblasti)* [Russian Wedding: Wedding Ceremony on the Upper and Middle Kokshenga Rivers and on the Uftyuga River (Tarnogsky District, Vologda Region)]. Moscow.
- Voronina, T. A. 2017. *Traditsii pitaniya ryazanskikh krest'yan (XIX – nachalo XX veka)* [Dietary Traditions of Ryazan Peasants (19th – Early 20th Century)]. Ryazan'.
- Gromyko, M. M. 1991. *Mir russkoi derevni* [The World of the Russian Village]. Moscow.
- Gura, A. V. 1994. *Vologodskaya svad'ba glazami krest'yanina* [A Vologda Wedding Through the Eyes of a Peasant]. *Zhivaya starina* 2.

- Gura, A. V. 1978. Opyt vyyavleniya struktury severnorusskogo svadebnogo obryada (po materialam Vologodskoi gub.) [An Attempt to Identify the Structure of the Northern Russian Wedding Ceremony (Based on Materials from the Vologda Province)]. In *Russkii narodnyi svadebnyi obryad. Issledovaniya i materialy* [Russian Folk Wedding Ceremony Research and Materials], ed. by K. V. Chistov and T. A. Bernshtam, 72–88. Leningrad.
- Dal', V. 1994. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 1–4. Vol. 4. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», «Univers».
- Zhirnova, G. V. 1980. *Brak i svad'ba russkikh gorozhan v proshlom i nastoyashchem* [Marriage and Wedding of Russian City Folk: Past and Present]. Moscow: Nauka.
- Zelenin, D. K. 1991. *Vostochnoslavyanskaya etnografiya* [East Slavic Ethnography]. Moscow.
- Listova, T. A. 1993. *Pravoslavnye traditsii russkoi narodnoi svad'by* [Orthodox Traditions of the Russian Folk Wedding]. In *Pravoslavie i russkaya narodnaya kul'tura* [Orthodoxy and Russian Folk Culture]. Bk. 2. Moscow.
- Privalova, T. V. 2000. *Byt rossiiskoi derevni: (Mediko-sanitarnoe. sostoyanie derevni Evropeiskoi Rossii): 60-e gody XIX – 20-e gody XX veka* [Life in the Russian Village: (Health and Sanitary Conditions of the Village in European Russia): 1860s – 1920s]. Moscow.
- Samodelova, E. A. 1993. Ryazanskaya svad'ba [Ryazan Wedding]. *Ryazanskii etnograficheskii vestnik* 10.
- Semenov, Yu. I. 1996. *Perezhitki pervobytnoi prestizhnoi ekonomiki v obychayakh russkikh krest'yan voobshche, sel'skikh zhitelei Ryazanskogo kraya v chastnosti* [Remnants of the Primitive Prestige Economy in the Customs of Russian Peasants in General and Rural Residents of the Ryazan Region in Particular]. In *Etnografiya i fol'klor Ryazanskogo kraya. Materialy Rossiiskoi nauchnoi konferentsii k 100-letiyu so dnya rozhdeniya N. I. Lebedevoi (Pervye Lebedevskie chteniya. 6–8 dekabrya 1994 goda)* [Ethnography and Folklore of the Ryazan Region. Proceedings of the Russian Scientific Conference for the 100th Anniversary of N. I. Lebedeva's Birth (First Lebedeva Readings. December 6–8, 1994)]. *Ryazanskii etnograficheskii vestnik* 21: 78–83. Ryazan'.
- Ugryumov, A. A. 1992. *Kokshenga: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Kokshenga: Historical and Ethnographic Essays]. Arkhangel'sk.
- Chistov K. V. (ed.). 1987. *Etnografiya vostochnykh slavyan. Ocherki traditsionnoi kul'tury* [Ethnography of the Eastern Slavs. Essays on Traditional Culture]. Moscow: Nauka.

MEALS OF VOLOGDA PEASANTS CELEBRATING WEDDING CEREMONIES

Abstract. Family rituals of Vologda peasants were vibrant and rich throughout the life cycle. Festive meals associated with memorable dates on the church calendar alternated throughout the year with feasts celebrating the most significant family events (weddings, christenings, housewarmings). Among family celebrations, weddings were particularly rich in table setting, with numerous dishes prepared for them, each acquiring symbolic significance. A traditional Russian wedding was a complex affair, distinguished by its varied rituals, and included several stages, each accompanied by a traditional meal.

Keywords: Russian peasants, food, holidays, meal, Vologda Province, wedding feast, matchmaking, Orthodox traditions.

Authors Info: Voronina, Tatiana V. – Dr. of History, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation).

For citation: Voronina, T. A. 2025. Meals of Vologda Peasants Celebrating Wedding Ceremonies. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 43: 66–86

